ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4–5

Проверка

Н-658

ЛЕНИНГРАД
1946

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ВЕСТНИК
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

259-Н
52549
Проверка

№ 4—5

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1946

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, чл.-корр. АН СССР проф. В. М. Жирмунский, проф. С. В. Калесник, акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов, проф. А. И. Молок, акад. В. И. Смирнов, проф. Б. А. Чагин (зам. отв. редактора), проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Щукарев

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД
1946

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Статьи

Д-р физ.-мат. наук *Н. Н. Сытинская*. Новые исследования атмосферы планеты Марс 3

Акад. *Л. С. Берг*. Историческая география растений 20

Доц. *Ф. Д. Клемент*. О некоторых основных закономерностях явлений фотолюминесценции в твердых телах 38

Проф. *Л. Э. Гуревич* и проф. *А. И. Лебединский*. Ядерные взрывы как причина звездных вспышек 53

Чл.-корр. АН СССР, проф. С. *Д. Львов*. Владимир Иванович Палладии как основоположник современного учения о дыхании . . . . . .

Доц. *Г. А. Новиков*. Сравнительный географический метод в экологии . 72

Проф. *П. А. Якимов* и канд. хим. наук *О. В. Круссер*. К проблеме пенициллина 79

Доц *Э. Ш. Айрапетьянц*. Высшая нервная деятельность и интероцепция 108

Акад. *И. И. Мещанинов*. Предикативность, сказуемость и глагольность . 119

Проф. *М. В. Серебряков*. Зародыши исторического материализма . . . 133

Проф. *Б. А. Романов*. Витте как дипломат 150

Авторефераты

С. С. Шварц. Эффективность криптической окраски (кандидатская диссертация) 173

Р. А. Будагов. Разыскания в области исторического синтаксиса французского языка (докторская диссертация) 177

Проф. *А. В. Венедиктов*. Государственная социалистическая собственность и органы управления ею (монография) 181

Из истории Ленинградского университета

Проф. *В. Е. Евгеньев-Максимов*. Н. А. Некрасов и Петербургский—Ленинградский университет 186

Personalia

К выборам новых академиков и членов-корреспондентов Академии Наук СССР 200

Рецензии

Проф. *П. М. Горшков*. Проф. В. В. Шаронов. Видимость далеких предметов и огней 229

Чл.-корр. АН СССР. проф. *В. А. Догель*. Акад. Е. Н. Павловский. Руководство по паразитологии человека. 231

Хроника

Канд. геол.-минер. наук *Г. М. Саранчина*. Ладожская петрографическая экспедиция 233

Проф. *Л. К. Давыдов*. Зеравшанская гляциологическая экспедиция. . . 234

М. А. Южноподольская археологическая экспедиция 236

Доц. *А. П. Евгеньева*. Вторая диалектологическая экспедиция в Псковскую область 237

Д-р педагог. наук *Г. З. Рогинский*. Вторая научная психологическая конференция 240

Перечень материалов, помещенных в журнале „Вестник Ленинградского Университета“ в 1946 г. 242

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Проф. В. Е. Евгеньев-Максимов

Н. А. НЕКРАСОВ И ПЕТЕРБУРГСКИЙ-ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Статья первая

125-я годовщина рождения Н. А. Некрасова широко была отмечена Ленинградским университетом. Уже одного этого достаточно, чтобы объяснить и оправдать появление настоящей статьи, в которой впервые ставится и обследуется вопрос о связях одного из величайших русских поэтов с Петербургским-Ленинградским университетом. Вопрос этот, с нашей точки зрения, отнюдь не является узко-биографическим вопросом и не лишен серьезного общественного значения.

На мысль о поступлении в высшее учебное заведение Некрасова, надо думать, натолкнули впечатления от учебы в Ярославской гимназии, где он учился примерно с 1832 по 1837 г. Много лет тому назад автору этих строк, благодаря «раскопкам», произведенным в архивах Ярославской гимназии, удалось выяснить, что в учебном и воспитательном отношениях Ярославская гимназия была поставлена из рук вон плохо.[1] Пребывание в ней не могло не тяготить столь способного и любознательного подростка, каким был Некрасов, тем более, что усиленное, хотя и беспорядочное чтение, которому он с таким увлечением предавался в гимназические годы, должно было внушить ему мысль, что где-то существует настоящая наука, настоящее образование, взамен того суррогата их, который преподносился ярославским гимназистам. Мы убеждены, что решение Некрасова уехать из Ярославля в Петербург было вызвано не только стремлением пробить себе дорогу в литературу, — не забудем, что в последние годы своего пребывания в Ярославле Некрасов уже усиленно писал стихи, и у него составилась из них целая «тетрадочка», — но и желанием получить высшее образование.

Драгоценно свидетельство Н. Г. Чернышевского в его «Заметках о Некрасове», писанных еще в Сибири и впервые напечатанных А. Н. Пыпиным в его известной книге о Некрасове (СПб., 1905). Ссылаясь на рассказ, слышанный им непосредственно от Некрасова, Чернышевский здесь говорит:

«Кем была внушена Некрасову мысль поступить в Университет? — По рассказу его мне, матерью...

Дело было, по его рассказу мне, так:

Мать хотела, чтобы он был образованным человеком, и говорила ему, что он должен поступить в Университет, потому что образованность

[1] Результаты этих «раскопок» подведены в нашей второй по счету книге о Некрасове «Н. А. Некрасов. Сборник статей и материалов» (М., 1914) в главе «Гимназические годы Некрасова» (см. стр. 54 — 57).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

приобретается в Университете, а не в специальных школах. Но отец не хотел и слышать об этом; он соглашался отпустить Некрасова не иначе, как только для поступления в Кадетский корпус. [1] Спорить было бесполезно, мать замолчала. Отец послал Некрасова в Петербург для поступления в Кадетский корпус... Но он уехал с намерением поступить не в Кадетский корпус, а в Университет».

Несколько иначе представляет дело брат гимназического товарища Некрасова Андрея Глушицкого, ранее уехавшего в Петербург, чем Некрасов, с намерением поступить в университет, — Николай Глушицкий. По словам Николая Глушицкого, [2] основанным на рассказе Андрея Глушицкого, Некрасов принял решение поступить в университет именно под влиянием Андрея Глушицкого. «Мой брат, — утверждает Н. Глушицкий, — при встрече с Николаем Алексеевичем в Петербурге, употребил все усилия, чтобы отклонить его от поступления в Дворянский полк, а следовательно, и от военной службы и, действительно, в этом успел. В этом благом деле не мало содействовали моему брату и бывшие тогда его товарищи по университету гг. Ильенков [3] и Коссов [4] (ныне известные ученые технологи и заслуженные профессора), добившиеся общими силами, что Некрасов не погрузился в омут тогдашней военной службы, а поступил в здешний Университет».

Таким образом противоречие между рассказами Н. Г. Чернышевского и Н. Глушицкого сводится исключительно к вопросу, кто же собственно внушил Некрасову мысль поступить в университет — его мать или же Андрей Глушицкий с товарищами. Противоречие здесь более кажущееся, чем действительное. Вполне допустимо предположение, что по приезде в Петербург Некрасов некоторое время колебался при решении вопроса, куда ему поступить, тем более, что поступление в университет, согласно совету матери и вопреки категорическому запрещению отца, неминуемо должно было вызвать ссору с этим последним, а ссора эта грозила для юноши (в 1838 г. — год приезда Некрасова в Петербург — Некрасову было всего 17 лет) очень тяжелыми последствиями. Советы Андрея Глушицкого, поддержанные Ильенковым и Коссовым, надо думать, положили конец колебаниям Некрасова, и он решил поступить в университет.

В автобиографии Некрасова, записанной в 1872 г. для М. И. Семевского [5] и в двух авторизованных биографиях его [6] есть кое-какие сведения, дополняющие рассказы Н. Г. Чернышевского и Н. Глушицкого.

Так, и в авторизованной биографии, напечатанной Н. В. Гербелем, сказано: «Пробыв в названном заведении [т. е. Ярославской гимназии,— *В. Е.-М.*] два года, Некрасов, согласно желанию отца, оставил гимназию и, снабженный его письмом на имя начальника Петербургского округа корпуса жандармов генерала Полозова, отправился в Петер-

[1] Под «Кадетским корпусом» в данном случае следует разуметь так называемый Дворянский полк.

[2] «Петербургский листок», 1878, № 107.

[3] Ильенков Павел Антипович, родился в 1819 г., т. е. на два года был старше Некрасова. В конце 30-х — начале 40-х годов был студентом СПб. университета, который и окончил в 1843 г. по реальному отделению. Впоследствии занимал кафедру технологии в том же университете. Автор целого ряда научных трудов.

[4] Коссов Ильдефонс Казимирович, окончил СПб. университет в 1843 г. Впоследствии был профессором химической технологии и металлургии в Императорском техническом училище. Родился в 1822 г., умер в 1890 г.

[5] Эта автобиография напечатана в № 1 журнала «Новый мир» (1925 г.).

[6] Первая из этих биографий появилась в 1873 г. на страницах известной антологии Гербеля «Русские поэты в биографиях и образцах»; вторая—в 1877 г. в VII, посвященном Некрасову, выпуске «Русской библиотеки» Стасюлевича.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

если скажем, что никто из университетских товарищей Некрасова этих лет не приносил на алтарь университетской науки бо́льших жертв, чем он. Его пример является исключительным примером того, на что бывает способен человек, когда его душой овладевает жажда знания. И не случайным представляется тот факт, что одно из своих юношеских, еще ученических произведений, пьесу «Юность Ломоносова», написанную как раз в те годы, когда он рвался в университет, он посвятил именно тому деятелю русского просвещения, образ которого до сих пор остается символом всепоглощающего стремления к науке, к знанию.

Один из ближайших сотоварищей Некрасова по журнальной работе, характеризуя его личность, говорит о «необыкновенном уме», как наиболее характерной черте его духовного облика: «Для меня нет никакого сомнения, что на любом поприще, которое избрал бы он для себя, он был бы одним из первых людей, уже в силу своего ума. Он был бы, если бы захотел, блестящим генералом, выдающимся ученым, богатейшим купцом». [1] Возможно, что если бы Некрасову удалось получить законченное высшее образование, — он стал бы, на самом деле «выдающимся ученым»... Однако этого не произошло, так как в своем стремлении к университетской науке, он столкнулся с препятствиями, которые даже для него, для человека «необыкновенного ума», и железной силы воли, и исключительной трудоспособности, оказались в конце-концов непреоборимыми.

Какие же это препятствия?

Главным образом и прежде всего те, которые порождает горькая бедность, лютая нужда. В их цепкие объятия Некрасов попал как раз в то время, когда приступал к подготовке к вступительным экзаменам. А готовиться ему к ним нужно было и долго и напряженно, так как Ярославская гимназия дала ему только обрывки знаний, да и эти обрывки, если судить по его гимназическим отметкам, [2] были усвоены им слабовато.

О том, как велась подготовка Некрасова к вступительным экзаменам, говорят все три вышеупомянутых автобиографических источника. Они рисуют приблизительно одну и ту же картину. Для того чтобы подготовиться к экзаменам, нужны были сведущие учителя. Чтобы пригласить сведущих учителей нужны были деньги, а денег у Некрасова как раз и не было. При таких условиях приходилось надеяться на помощь гимназических товарищей, например на помощь того же Глушицкого, а затем... на счастливый случай. Последний не замедлил представиться. Некрасову удалось познакомиться с некиим Успенским, который в используемых нами автобиографических источниках именуется профессором Духовной академии, но без должных оснований. В действительности Дмитрий Иванович Успенский был не профессором Духовной академии, а одним из учителей низшего отделения С.-Петербургской духовной семинарии, где преподавал финский, греческий и латинский языки и катехизическое учение.

Наиболее красочный рассказ, как состоялось знакомство Некрасова с Успенским и как протекали занятия с ним, содержится в автобиографии, записанной для Семевского.

«На Итальянской, — читаем здесь, — встретил в увеселительном

---

[1] Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута, СПб., 1900, 66.

[2] Эти отметки воспроизведены в упомянутой выше нашей второй книге о Некрасове «Н. А. Некрасов. Сборник статей и материалов» (М., 1914).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

на экзамен по физике Некрасов, чувствуя свою неподготовленность не пошел вовсе, положившись на обещание «ректора Плетнева» принять его, при условии, что физику он сдаст в декабре.

В авторизованной биографии, напечатанной Гербелем, после указания, что Некрасов держал экзамены в августе 1840 г., сказано: «Большая часть предметов, в том числе и латынь с профессором Фрейгангом, отличавшимся крайней строгостью, сошли благополучно; но математика и физика испортили все дело и Некрасов волей-неволей должен был отказаться от чести поступить в число студентов университета, довольствуясь званием «вольного слушателя».

Наконец в авторизованной биографии, напечатанной М. М. Стасюлевичем, читаем: «Успенский занимался с ним с таким успехом, что... Фрейганг, очень требовательный латинист, поставил ему на приемном экзамене из латинского языка 5 с плюсом; но в физических науках сам почтенный филолог Успенский был слаб, и это отразилось роковым образом на его ученике: Некрасов чувствовал, что из физики он не может получить отметки выше единицы. Это бы еще ничего, так как одна единица в то время не была препятствием к поступлению в университет, но беда заключалась в том, что льготная единица была уже приобретена на экзамене географии у проф. Касторского». Далее следует уже известный нам из автобиографии, записанной для Семевского, рассказ об обращении Некрасова к Плетневу, о данном последним, но не выполненном по забывчивости обещании принять Некрасова в студенты и о поступлении Некрасова при содействии того же Плетнева в университет вольнослушателем.

Суммируя приведенные данные, приходишь к заключению, что Некрасов только однажды держал вступительные экзамены, и хотя результаты их были не блестящими, но они не были и катастрофически плохими; Некрасов поступил бы в университет, если бы не оплошность «ректора» Плетнева.

Исследование вопроса по документам, сохранившимся в архивных делах университета, приводит к иным выводам, и эти выводы, поскольку они основываются на документальном материале, представляются совершенно неоспоримыми.

В «Деле правления СПб. Университета о выбывших студентах СПб. Университета до окончания курса наук» (1839 г., арх. № 6010) содержится нижеследующий документ:

Его Высокородию Господину Ректору
Императорского Санкт-Петербургского Университета,
Статскому Советнику Кавалеру
Ивану Петровичу Шульгину
Дворянина Николая Алексеева сына Некрасова

Покорнейшее прошение

Желая вступить в число своекоштных студентов Императорского Санкт-Петербургского Университета по факультету Восточных языков, для продолжения своего образования, и представляя вследствие того при сем документы мои о Рождении и Крещении и о Дворянстве, покорнейше прошу Ваше Высокородие дозволить мне держать приемный в Санкт-Петербургский Университет экзамен и, по выдержании оного мною, допустить меня к слушанию Профессорских лекций.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

К сему прошению дворянин Николай Алексеев сын Некрасов руку приложил.

Июля 14-го дня 1839 г. СПб.

Жительство мое: Рождественской части 6-го квартала у Малоохтенского перевоза в доме купца Трофимова.

Из «Дела совета имп. СПб. Университета о приемном экзамене в студенты в 1839 г.» за № 4339 мы узнаем об отметках, полученных Некрасовым на приемных экзаменах.[1]

Закон божий — 1 (Райковский)
География и статистика — 1 (Порошин)
Всемирная история — 1 (Касторский)
Русская история — 1 (Устрялов)
Русская словесность — 3 (Плетнев)

Однако Некрасов не желал признать себя побежденным.

В «Деле» за № 6010 имеется нижеследующее «прошение» о зачислении его в вольнослушатели по философскому факультету.

Его Высокородию Господину Ректору
Императорского Санкт-Петербургского Университета
Ординарному Профессору Статскому Советнику и Кавалеру
Ивану Петровичу Шульгину
Дворянина Николая Алексеева сына Некрасова

Прошение

Желая слушать лекции профессоров Императорского Санкт-Петербургского Университета по 1-му отделению философского факультета, покорнейше прошу Ваше Высокородие принять меня в число вольных слушателей оного Университета по означенному факультету.

К сему прошению дворянин Николай Алексеев сын Некрасов руку приложил. Документы же мои представлены мною при прошении о допущении меня к приемному экзамену 14 июля сего года.

4 сентября 1839 г.

Жительство имею: Рождественской части 6-го квартала в доме Трофимова.

На полях прошения резолюция ректора: «допустить».

Итак, с июля 1839 г. Некрасов — вольнослушатель университета по философскому факультету. Однако мечта стать полноправным студентом его не оставляет, и он в июле 1840 г. возобновляет попытку выдержать вступительные экзамены уже на юридический факультет, как это явствует опять-таки из его прошения уже не на имя Шульгина, оставившего должность ректора университета, а на имя проректора Ивановского.

Его Высокоблагородию
Господину Проректору С.-Петербургского Университета
Игнатию Иакинфовичу Ивановскому
Николая Некрасова

Прошение

Желая вступить в число студентов Императорского С.-Петербургского Университета по юридическому факультету, прошу всепокорнейше Ваше Высокоблагородие допустить меня к приемным

[1] Эти отметки были опубликованы нами еще в 1920 г. на страницах биографии Некрасова, приложенной к первому советскому изданию его стихотворений.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

экзаменам. Принадлежащие мне документы были представлены мною в Правление Университета прошедшего года.

Николай Некрасов.

24 июля 1840 г.

Жительство имею: В Свечном переулке в доме купца Шапкина, близ Лиговского канала.

Экзамены на этот раз сошли для Некрасова несколько благополучнее, как это видно из нижеследующей таблицы:

По закону божьему—3	По географии и статистике—1
По российской словесности—5	По истории—2
По логике—2	По математике—1
По греческому языку—1½	По арифметике—2
По латинскому языку—3	По геометрии—1
По немецкому языку—2	По аналитике—0
По французскому языку—2	По алгебре—0

Таким образом не вызывает никаких сомнений факт, что Некрасов не один, а два раза держал приемные экзамены и оба раза их не выдержал. С другой стороны, можно считать совершенно установленным, что зачисление Некрасова в вольнослушатели произошло в 1839 г., т. е. после первых, а не после вторых экзаменов.

Возникают два вопроса: 1) как объяснить, что в использованных нами автобиографических источниках картина неудачи, постигшей Некрасова на экзаменах, обрисована менее мрачными красками, чем это было на самом деле, и 2) как отнестись к рассказу в автобиографических источниках об оплошности (забывчивости) ректора Плетнева, благодаря которой Некрасову не удалось поступить в число студентов университета.

Ответить на первый из них не так уж трудно: за давностью лет (не забудем, что автобиография и авторизованные биографии Некрасова относятся к 70-м годам, т. е. писались по прошествии 30 с лишним лет после того, как Некрасов сдавал вступительные экзамены) память легко могла изменить Некрасову, и он отчасти забыл, отчасти перепутал отметки, полученные им на экзаменах. Кроме того, нельзя быть уверенным, что он знал эти отметки в точности. Допустимо предположение, что он в отношении некоторых предметов знал только общие результаты экзаменов, т. е. «выдержал» или «не выдержал».

Что касается второго из поставленных выше вопросов, то ответ на него затрудняет то обстоятельство, что Плетнев сменил Шульгина на посту ректора университета лишь в феврале 1840 г., и принятие Некрасова в вольнослушатели, состоявшееся еще в 1839 г., зависело не от него, а от его предшественника на этом посту. Таким образом автобиографические источники, возлагая на «ректора Плетнева» вину в том, что Некрасов не был зачислен в студенты, а принужден был поступить в вольнослушатели, явным образом ошибаются. Возможно, что и в этом случае Некрасова подвела память, и дело в действительности обстояло не так, как об этом рассказывается в автобиографических источниках. Плетнев, и не будучи ректором, мог обещать Некрасову свою поддержку при решении вопроса о принятии его в студенты, но не исполнил своего обещания, а затем, желая помочь юноше, перед которым чувствовал себя в известной степени виноватым, устроил его в вольнослушатели. Как бы то ни было, едва ли можно сомневаться в том, что Плетнев принимал какое-то участие в Некрасове. Быть может, здесь сыграло некоторую роль то обстоятельство, что единственным предметом,

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

по которому Некрасов получил удовлетворительный балл (3) во время первых экзаменов, был предмет Плетнева — «русская словесность», точно так же, как «русская словесность» была единственным предметом, по которому он получил балл 5 на вторых экзаменах. Естественно, что это должно было, в известной мере, расположить Плетнева в его пользу.

Университетская жизнь Некрасова продолжалась с зачисления его в вольнослушатели, т. е. с июля 1839 г. по июль 1841 г., когда он оставил университет. Два года—это значительный период времени, и Некрасов при его способностях сумел бы извлечь много из своего пребывания в университете, несмотря на то, что числился не студентом, а вольнослушателем, если бы на пути его не встала все та же горькая бедность.

В авторизованной биографии, напечатанной Н. В. Гербелем, содержится указание, что Некрасов начал было «усердно» посещать университетские лекции, но, поскольку, как сказано в биографии, напечатанной М. М. Стасюлевичем, «он терпел на каждом шагу много тяжелых лишений и с трудом добывал кусок хлеба насущного», то «нечего было и думать серьезно об университетской науке и правильном окончании курса при такой обстановке, требовавшей почти всего времени на добывание самых первобытных средств к существованию». В полном соответствии с этим в автобиографии, записанной для Семевского, лаконически говорится: «учиться и зарабатывать хлеб трудно, и я бросил».

В своем стремлении удержаться в университете Некрасов, повидимому, обратился за помощью к отцу, но отец ограничился лишь тем, что прислал «Свидетельство» о бедности. Приводим этот любопытный документ, найденный нами в «Деле Правления № 6009 со свидетельствами о недостаточном состоянии студентов и вольнослушателей Университета, 1839 г.».

Свидетельство

Дано сие от Ярославского Губернского предводителя дворянства, отставному Майору Алексею Сергееву сыну Некрасову, вследствие прошения его о том, что он, г. Некрасов, имеет у себя пять человек детей при недостаточном состоянии своем, заключающемся в 147-ми душах, обремененных казенными и партикулярными долгами, и сам, находясь в болезненном положении, затрудняется в доставлении содержания сыну своему Николаю, находящемуся ныне вольным слушателем в Санкт-Петербургском Университете, а равно и положенной за обучение платы каждогодно по сту рублей взносить не имеет возможности, в чем и удостоверяю за подписанием и с приложением герба моего печати.

Губернский город Ярославль, Сентября 27 дня 1839 года.

Губернский предводитель (Глебов)

Если даже, благодаря этому «свидетельству», Некрасов и был освобожден от взноса платы за правоучение, то это существенных перемен к лучшему в его положении не могло внести.

Существует иная версия, объясняющая уход Некрасова из университета. Уже известный нам Н. Глушицкий, со слов своего брата, рассказывает: на одной из своих лекций о новейшей русской литературе

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

«молодой и красноречивый профессор А. В. Никитенко жестоко и беспощадно поострил и даже поглумился над Николаем Алексеевичем как над начинающим поэтом. А. В. Никитенко было известно, что в числе его слушателей находится и ярославский гимназист Некрасов, уволенный из 5-го класса гимназии за свою сатиру на тамошнее начальство, и что этот недоучившийся гимназист, не пугаясь великих теней Пушкина и других знаменитых поэтов, дерзко осмеливается выступить перед публикой со своим тощим сборником стихотворений «Мечты и звуки», в которых, по мнению А. В. Никитенко, не было ни признака таланта, ни толку, ни ладу, а лишь одна вода, да дубовые стихи и одно пустое рифмоплетство, от которых А. В. советовал поскорее исцелиться автору. Таков был приговор А. В. Никитенко над нашим начинающим поэтом. Опрометчивое и даже отчасти неуместное суждение о Некрасове, как о молодом поэте, произнесенное в университетской аудитории, однако, несколько имело и дурные последствия для Н. А., он тотчас же распрощался с аудиторией сурового профессора-словесника, а потом вскоре и вовсе покинул университет, не переставая, впрочем, поддерживать и продолжать дружбу и сношения с своими знакомыми и товарищами, оставшимися в университете».

В этом рассказе, в конце-концов, нет ничего неправдоподобного, но ему несколько противоречит то обстоятельство, что сборник «Мечты и звуки» вышел в начале 1840 г. и критика его Никитенко, если только вообще она имела место, относилась, надо думать, к тому же примерно времени, а из университета Некрасов уволился значительно позже — в июле 1841 г.

Во всяком случае, рассказанный Глушицким эпизод мог дать некоторый повод к уходу Некрасова из университета, но отнюдь не мог явиться его причиной. Основная и, увы, вполне уважительная причина — это, повторяем, горькая бедность Некрасова.

Что дало Некрасову пребывание в университете?

К сожалению, для сколько-нибудь обоснованного ответа на этот вопрос в нашем распоряжении почти нет материала.

Правда, кой-какие сведения о той студенческой среде, к которой приобщился Некрасов в годы своего вольнослушательства, сообщаются в авторизованной биографии Стасюлевича. Мы имеем в виду следующие строки ее:

«В те времена преимущественно в университете сосредотачивалась молодежь из знати, и университетские товарищеские кружки смешивали в себе все состояния и звания. Бедный молодой человек, с бюджетом чуть ли не нескольких копеек в день, легко сближался с юношами высших и богатых классов, и не только сближался, но благодаря своим личным талантам, способностям и веселому характеру, мог даже первенствовать между ними; на студенческих собраниях и пирушках, устраиваемых в то время наподобие немецких кнейпов и коммершей, предводительствовал не тот, кто знатнее всех, но кто лучше дрался на эспадронах и рапире, кто был мужественнее и физически ловче. В таких-то веселых и разгульных товарищеских кружках очутился провинциальный юноша, взросший в деревне, и тут-то он познакомился впервые с обыденной жизнью и нравами других общественных классов, которые без университетской жизни остались бы ему известными только по слухам. Эта новая обстановка, как и прежняя, деревенская, не остались без влияния в будущем на поэзию Некрасова и на самый его характер, а также и на условия дальнейшей жизни: завязанные тогда им связи сохранились и впоследствии; недостатки и слабая сторона жизни выс-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ших общественных слоев стали ему знакомы из первых рук и хорошо знакомы».

Нетрудно заметить, что вопрос ставится здесь чересчур уж общо. Никаких конкретных деталей, непосредственно относящихся к университетской жизни Некрасова, если не считать упоминания о студенческих пирушках, не указывается, ни одной фамилии его университетских товарищей не названо. Впрочем, заключительный вывод — «недостатки и слабая сторона жизни высших слоев стали ему знакомы из первых рук», — вывод в достаточной степени важный, остается в силе. Общение со студенческой средой бесспорно должно было раздвинуть пределы жизненных наблюдений Некрасова, а тем самым расширить его умственный кругозор.

Не в меньшей, а, естественно, в большей степени к расширению кругозора вело посещение университетских лекций. Конечно, Петербургский университет в исходе 30-х и начале 40-х годов не мог похвалиться особенно высоким уровнем преподавания, так как среди его профессоров и преподавателей преобладали ученые среднего, а иногда и ниже среднего достоинства.

Тем не менее, совершенно несомненно, что при всех своих недостатках, из которых большинство было порождено эпохой, преславутой «николаевщиной», Петербургский университет мог дать своим питомцам в смысле общего развития немало. Взять хотя бы того ж Плетнева. Тургенев дает ему такую характеристику: «Он искренно любил свой предмет, обладал несколько робким, но чистым и тонким вкусом и говорил просто, ясно, не без теплоты. Главное, он умел сообщать своим слушателям те симпатии, которыми сам был исполнен, умел заинтересовать их. Его любили. При том его, как человека, прикосновенного к знаменитой литературной плеяде, как друга Пушкина, Жуковского, Баратынского, Гоголя, как лицо, которому Пушкин посвятил своего «Онегина», — окружал в наших глазах ореол».

Можно ли допустить, что эти стороны Плетнева, как профессора, как личности, не оказали никакого воздействия на Некрасова, бывшего ко времени своего поступления в вольнослушатели совсем еще неоперившимся птенцом, к тому же птенцом, прилетевшим в Петербург из глухого помещичьего гнезда, в котором ценности духовного порядка находились в полном пренебрежении (см. стих. «Родина»). Этого допустить, как нам кажется, никоим образом нельзя. Тем более нельзя, что история зачисления Некрасова в вольнослушатели свидетельствует о том, что он в какой-то мере находился в сфере благожелательного внимания Плетнева. Тем более нельзя, что Некрасову не могла не быть известна чрезвычайно сочувственная рецензия Плетнева на сборник его юношеских стихотворений. В этой рецензии было сказано: «Собрание стихотворений «Мечты и звуки» занимательное. Здесь не только мечты и звуки, как выразился поэт, но и мысли, и чувства, и картины. Книжка, заключающая в себе почти одни лирические стихотворения, исполнена разнообразия. В каждой пьесе чувствуешь создание мыслящего ума или воображения. Наша эпоха так скудна хорошими стихотворениями, что на подобные явления смотришь с особенным удовольствием».

Другой работник по кафедре русской словесности — А. В. Никитенко, не оставивший, как и Плетнев, глубокого следа в науке, все же выделялся и красноречием, и широтой интересов, и своими связями с современной литературой. Его лекции, столь мало подготовленному слушателю, как Некрасов, могли в свою очередь принести значительную пользу.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

А затем следует подчеркнуть, самым решительным образом, что в рассматриваемые годы, при общем не слишком высоком уровне университетского преподавания, в университете все же были ученые в достаточной степени крупного масштаба. Взять хотя бы профессоров-историков того же философского факультета, к работникам которого принадлежали Плетнев и Никитенко и вольнослушателем которого был Некрасов, — М. С. Куторгу и Н. Г. Устрялова. Нет надобности доказывать, что Куторга — первый русский ученый, посвятивший себя самостоятельной разработке всеобщей истории, лекции которого были отмечены строго научным критическим методом, представляя в научном отношении крупную величину. Выдающимся знатоком русской истории был и Устрялов. Сомневаться в том, что в качестве вольнослушателя философского факультета Некрасов бывал на их лекциях, конечно, не приходится, а эти лекции само собой разумеется, были для него очень и очень небесполезны.

Философский факультет Петербургского университета с 1836 г. состоял, как известно, из двух отделений.

I отделение объединяло преподавание филологических наук, заменив прежний филологический факультет, а II отделение объединяло преподавание математических наук, заменив математический факультет. Если допустить предположение, — а в нем нет ничего невероятного, — что студенты и вольнослушатели I отделения посещали лекции II отделения, то Некрасов должен был бывать на лекциях такого интересного человека, как Ф. В. Чижов, который, по словам историка С.-Петербургского университета (проф. В. В. Григорьева), «занимался математическими науками с большой любовью и замечательным успехом». Его перу, кстати сказать, принадлежит первое на русском языке сочинение «О паровых машинах». Как раз во время пребывания Некрасова в университете в научных интересах Чижова, что бывает не часто, произошел перелом, и он в такой мере увлекся вопросами литературы, искусства и философии, что перевел на русский язык Галамову «Историю европейской литературы в XV и XVI столетиях», снабдив ее собственными пояснениями и дополнениями, обнаруживавшими его обширную начитанность.

Число примеров, свидетельствующих о том, что посещение лекций и на философском и на других факультетах университета могло бы дать Некрасову очень много,—легко было бы, при желании, в несколько раз увеличить. Едва ли стоит это делать, так как все же в нашем распоряжении нет решительно никаких фактов, позволяющих судить о том, какие именно лекции Некрасов посещал, в частности, какие именно лекции он посещал с особой охотой. Однако не приходится сомневаться в том, что двухлетнее пребывание в университете, хотя бы в качестве вольнослушателя, должно было, в какой-то мере, способствовать умственному развитию Некрасова, обогащая его новыми сведениями, фиксируя его мысль на вопросах научного и интеллектуального порядка. Если с 1840, тем более с 1841 г. литературная деятельность Некрасова поражает своими разнообразием и интенсивностью, то это должно быть поставлено в некоторую связь с впечатлениями его университетской учебы. Чтобы написать такую массу не только художественных произведений чуть ли не во всех жанрах (стихи, рассказы, повести, водевили и т. д.), но тем более такую массу критико-библиографических статей, театральных рецензий, фельетонов, нужно было обладать и обширными познаниями и весьма значительным уровнем общего развития. Конечно, очень многое Некрасов приобрел и путем усиленного чтения, начавшегося еще в гимназии, и путем общения с редактором (Ф. А. Кони)

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

и сотрудниками тех двух журналов, в которых он принимал участие в 1840 — 1841 гг.: «Пантеон русского и всех европейских театров» и «Литературная газета». С другой стороны, та суровая жизненная школа, через которую прошел Некрасов в первые годы своего пребывания в Петербурге, немало способствовала тому, что его взгляд на вещи, на явления окружающей действительности и расширился и углубился.

Все это, разумеется, так, — и все же, по нашему глубокому убеждению, в ряду факторов, способствовавших в конечном своем развитии тому, что в середине 40-х годов Некрасов смог занять одно из видных мест среди передовых писателей, передовых деятелей своего времени, какую-то роль сыграло его двухлетнее пребывание в стенах университета. Спору нет, что «поучения Белинского» (это выражение употребил сам Некрасов), с которым Некрасов познакомился уже после своего ухода из университета, дали ему неизмеримо больше, чем лекции университетских профессоров, в частности Плетнева и Никитенко. Но все же и эти лекции не прошли для него бесследно. С мыслью об университете у Некрасова были связаны не слишком приятные воспоминания. Повторный провал на экзаменах не мог не оставить болезненного следа в его душе. И тем не менее дурного слова по адресу университета ни разу не сорвалось с его уст. В своих отзывах об Ярославской гимназии Некрасов был очень суров. Сошлемся хотя бы на строки из поэмы «Суд»:

Живо вспомнил я тогда
Счастливой юности года,
Когда придешь, бывало, в класс
И знаешь: сечь начнут сейчас!

Но упоминания об университете в его художественных произведениях неизменно выдерживаются в совершенно другом плане. Университет никогда не перестает быть для Некрасова милым и желанным, ибо он очень хорошо понимает, что университет вооружает молодежь теми знаниями, которые необходимы для того, чтобы честно служить своей родине, своему народу. Этот мотив в достаточной степени явственно звучит в следующих словах из романа «Жизнь и похождения Тихона Тросникова»:

«Поступить в студенты — сделалось единственною моей целью, с завистью смотрел я на каждого юношу, одетого в студенческую форму. Меня одушевляли мечты, что наконец же я когда-нибудь вырвусь из бедственного моего положения, что дадут мне наконец теплый угол и кусок хлеба, который я буду есть не краснея... в твердой надежде заплатить современем благодетельной руке, подающей мне этот кусок, трудами всей грядущей жизни моей, всем, на что подвигнет меня развитой наукой разум и благодарностью полное сердце».

Какую цель должны преследовать «труды» молодого поколения— этот вопрос проясняется во втором романе Некрасова «Три страны света». В уста героя романа Каютина Некрасов вкладывает следующее обращение-призыв к русскому юноше: «В столкновении с народом, он увидит, что много жизни, здоровых и свежих сил в нашем милом и дорогом отечестве, увидит, что все идет вперед... Увидит... и сам, как русский человек, разохотится, расходится: откинет лень и положит посильный труд в сокровищницу развития, славы и процветания русского народа».

Оба упомянутых романа Некрасова относятся к 40-м годам, т. е. если не к самому начальному, то во всяком случае к раннему периоду его творчества. Проходит 10 лет, Некрасов заслуженно приобретает

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

репутацию и первого поэта и первого журналиста своего времени. Но отношение его к университету, к его назначению подготовлять кадры работников на ниве служения родине и народу отнюдь не меняется. Кто не помнит чудесного стихотворения «Школьник», в котором образ крестьянского подростка, ценой каких угодно жертв и лишений пробивающего себе дорогу к науке, к образованию, приобретает значение широчайшего художественного обобщения, причем мысль о науке, об образовании соединяется у поэта с мыслью об университете:

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится на яву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай, —

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

Обстоятельства сложились для Некрасова так, что он только побывал в университете, но не окончил его. Однако это не помешало ему приобщиться к числу «славных... добрых, благородных, сильных любящей душой», которыми вправе гордиться «родная Русь», которыми не переставал и никогда не перестанет гордиться великий Советский Союз.

Если в 1841 г. с уходом Некрасова из университета порвалась его непосредственная связь с ним, то общение его с университетскими профессурой и студенчеством продолжалось вплоть до его смерти. О формах этого общения будет сказано в последующей нашей статье о Некрасове и Петербургском-Ленинградском университете.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/